

Гимельштейн Яков Григорьевич

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕОРИИ ЖАКА ЛАКАНА В РАЗРАБОТКЕ МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ НА МИКРОУРОВНЕ

В статье рассматривается возможность синектического использования междисциплинарного знания для эмпирического исследования политических процессов на уровне субъекта и локальных сообществ с привлечением философской методологии одного из крупнейших психоаналитиков XX века Ж. Лакана и специфика структуры политического дискурса в условиях постмодернистского развития. Аналитический дискурс представлен как альтернатива дискурсу научному (университетскому) и господскому, типичному для политической сферы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/3-2/13.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 3 (17): в 2-х ч. Ч. II. С. 49-52. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 321.02

В статье рассматривается возможность синектического использования междисциплинарного знания для эмпирического исследования политических процессов на уровне субъекта и локальных сообществ с привлечением философской методологии одного из крупнейших психоаналитиков XX века Ж. Лакана и специфика структуры политического дискурса в условиях постмодернистского развития. Аналитический дискурс представлен как альтернатива дискурсу научному (университетскому) и господскому, типичному для политической сферы.

Ключевые слова и фразы: локальные сообщества; локальная политика; политический дискурс; субъект; политическая деятельность.

Яков Григорьевич Гимельштейн

Кафедра политических институтов и прикладных политических исследований

Санкт-Петербургский государственный университет

karsson@bk.ru

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕОРИИ ЖАКА ЛАКАНА В РАЗРАБОТКЕ МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ НА МИКРОУРОВНЕ[©]

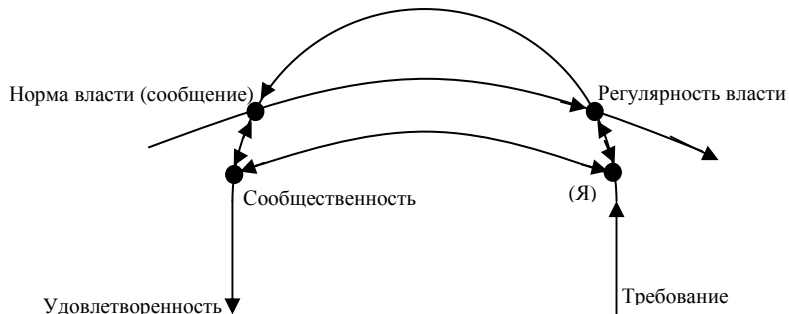
Выбор теоретической базы гуманитарного эмпирического исследования в эпоху междисциплинарного знания и методологического эклектизма неизбежно связан с рассмотрением возможности синектического сочетания различных по происхождению концепций. Подобные процессы всегда приводят к компромиссам, в результате которых под вопросом часто оказываются области научного знания в целом. Так, для политической науки остаётся открытым вопрос об определении понятия «микроуровень» и возможности использования на этом уровне понятия политического. В философском дискурсе этот вопрос был решен радикальным пересмотром теории власти, предпринятым М. Фуко [8], Ж. Делезом [3], Ж. Бодрийаром [1]. Каждый из авторов, отказываясь от посылок классической теории власти, переходит к новому пониманию власти на микроуровне – от «теории контроля через объективизирующий взгляд, размельчённый до уровня микроустройств» [Там же, с. 54]. М. Фуко через «машины желания» Ж. Делёза, Ф. Гваттари, Ж.-Ф. Лиотара («желание функционирует в качестве будущих форм власти» [Там же, с. 55]) к симулякрам Ж. Бодрийара. Ж. Бодрийар, полемизируя с М. Фуко, пишет: «...сегодня микрожелание (власти) и микрополитика (желания) буквально совпадают в механистических границах либидо, стоит только низвести их на микроуровень. Спираль, которую предлагает М. Фуко, такова: власть / знание / наслаждение (он не решается сказать власть / знание / желание, ведь речь здесь идёт именно о желании, о целой теории желания)» [Там же, с. 54]. Политическая наука традиционно предпочитает иметь дело не с глубоко индивидуальной историей желания, а с масштабными и универсальными институтами и процессами – государствами, политическими партиями и идеологиями, режимами и т.д. Однако перспективы такого подхода становятся всё более сомнительными. В связи с этим представляется более перспективным рассматривать политическое в структуре субъекта, в перспективе индивидуальной истории желания, а затем проецировать в дискурсивные области более высокого уровня – уровня локальных сообществ.

Политический дискурс субъекта неизбежно имеет ту же структуру, что и все прочие: специфические означающие, говоря языком Э. Лакло и Ш. Муфф, особые узловые точки [9, р. 98], не меняют ни правил циркуляции, ни характера отношений, которые складываются у субъекта с Другим. Большой массив исследований, посвящённых психопатологии власти – от историй болезни В. Ленина, И. Сталина и А. Гитлера до клинической картины алкоголизма Б. Ельцина, в некотором смысле не обращал внимание читателей на то, что определённые отношения с базовыми психическими структурами складываются не только у тоталитарных режимов и их вождей и имеют не только психотический, всепоглощающий, в прямом смысле, характер – такие отношения составляют фундамент любой политической системы, и поэтому то, что Ж. Лакан называет наслаждением, его границы и способы получения чрезвычайно важны в любых политико-дискурсивных практиках. В своей книге «Семинары: образования бессознательного» он пишет: «Вчера вечером я обратил ваше внимание на то, что в подходе фрейдовской дисциплины к изучению любых связанных с человеком явлений имеется один оригинальный момент: на первом плане всегда оказывается у нее тот привилегированный элемент, который мы называем желанием» [5, с. 98].

Сама по себе невротическая структура, представленная выше четырьмя дискурсами, уже позволяет субъекту сформировать желание и получить определённый доступ к наслаждению, и задача аналитика (как минимум, на первом этапе) в ходе анализа описать конкретный способ получения наслаждения, выявить дискурс, в который он вписан. В семинаре «Образования бессознательного» Ж. Лакан представляет, в том числе, и интересный случай, который раскрывает пути, прокладываемые в социальном наслаждении субъекта: пример женщины, усвоившей как мужские, так и женские социальные функции, и применявшей женские социальные стратегии исключительно для маскировки осуществления мужских социальных стратегий – как в частной семейной жизни, так и, в особенности, в профессиональной.

Ж. Лакан резюмирует описание этого случая так: «источником удовлетворения, на котором держится то, что явным образом расцветает в этом счастливом либидо пышным цветом, является скрытое удовлетворение превосходством над родительскими персонажами» [Там же, с. 101].

Таким образом, определенная информация о том способе бытия, который сформировался для субъекта, получена, нетрудно представить себе, как может действовать субъект, располагая подобным фантазмом – структурой, ориентированной на получение наслаждения от скрытой эксплуатации господского дискурса. Такой тип дискурса, при определённых обстоятельствах включенный в производство означающих в области политического, полностью подменяет функционирование политического дискурса дискурсом господским. Ж. Лакан в своих семинарах редко затрагивает сферу политического, однако некоторыми его оценками определённых событий мы, тем не менее, располагаем. В частности, известно его отношение к революции 1968 года и последовавшим за ней событиям: на встрече в экспериментальном университетском центре, в Венсенне, 3 декабря 1969 г. Ж. Лакан напрямую столкнулся с возмущёнными студентами, которые на протяжении всего разговора пытались выяснить, какую он занимает позицию по отношению к волнениям, и в итоге узнали следующее: «Наберись вы терпения и пожелай вы, чтобы наши экспромты продолжились, я бы объяснил вам, что исход у революционных устремлений только один, – они неизбежно приходят к дискурсу господина. Это доказано на опыте. То, к чему вы как революционеры стремитесь, это господин. И вы его получите» [4, с. 243]. Ж. Лакан нигде не указывает напрямую на альтернативу университетскому и господскому дискурсу для сферы политического, однако нетрудно установить, что такой альтернативой во всех отношениях является аналитический тип дискурса.

Как в политических, так и в социальных науках бессознательное как область неизведанного получила определённый статус. П. Бурдьё в работе «Практический смысл» указывает прошлое социального агента в качестве механизма структурирования настоящего и проектирования будущего, однако практически не упоминает о том, в какой форме прошлое хранится и почему оно приходит в настоящее в определённом порядке [2, с. 97]. П. Бурдьё цитирует Э. Дюркгейма, который замечал в одной из поздних работ: «В каждом из нас, в той или иной пропорции, живёт вчерашний человек. И это тот самый вчерашний человек, который силой вещей главенствует в нас, поскольку настоящее только в малой части сравнимо с долгим прошлым, в котором мы сформировались и откуда мы приходим. Однако мы не чувствуем этого человека прошлого, поскольку он инвертирован в нас, он составляет бессознательную часть нас самих. Вследствие этого, мы настроены не замечать ни его, ни его закономерных требований. Напротив, самые последние приобретения человечества мы ощущаем очень живо, поскольку в силу их “свежести” они ещё не успели оформиться в бессознательное» [Там же, с. 110]. Вслед за ним и П. Бурдьё указывал на то огромное и неизученное влияние, которое оказывают на конкретные действия не поддающиеся непосредственному наблюдению и изучению закономерности, функционирующие вне процессов осознания и артикуляции. Как считал Э. Дюркгейм, на которого опирался П. Бурдьё: «...понять, что есть габитус, можно только при условии соотнесения социальных условий, в которых он формировался (производя при этом условия своего формирования), с социальными условиями, в которых он был “приведён в действие”, т.е. необходимо провести научную работу по установлению связи между двумя состояниями социального мира, которые реализуются габитусом, устанавливающим эту связь посредством практики и в практике. “Бессознательное”, позволяющее экономить на таком установлении связи, в действительности есть не что иное, как историческое забывание, произведенное самой историей при осуществлении объективных структур, которые она порождает в своих “квазинатурах” — габитусах» [Там же, с. 103]. Политический дискурс функционирует одновременно как продолжение габитуса и вопреки ему: габитус локализован в пространстве и времени и является, по сути, констелляцией партикулярных дискурсов, формирующих образ субъекта (социального агента) и его статусность. Формирование политического дискурса происходит в момент универсализации одного из партикулярных дискурсов, которая одновременно уничтожает его в качестве структуры габитуса и дает ему новую жизнь в качестве политического дискурса. При этом универсализированный партикулярный дискурс вовсе не теряет связи с прочими партикулярными дискурсами, образующими габитус и размещенными в бессознательном.

Основные структурные элементы схемы – две цепочки означающих, то есть последовательно выстроенные означающие [5, с. 15], находящиеся в постоянном движении относительно друг друга и выходящие далеко за границы той области, в которой образуется дискурс, чье отражение в социальных практиках и речи, в частности, мы можем наблюдать. Первая цепочка в области дискурса начинается в том месте, где впервые означает требование, и само движение здесь поддерживается требованием и заканчивается в точке, где

наступает удовлетворённость, связанная с тем признанием, которое было получено в результате включения элементов этой цепочки в сформированное сообщение. Последовательность означающих в этом случае представляет собой нить рационального дискурса: «дискурса, в который уже включается определённое количество ориентиров, вещей фиксированных. Вещи эти порою не могут быть с точностью уловлены иначе как на уровне того, что конкретно в прагматике дискурса образует некие фиксированные точки. Вы сами прекрасно знаете, что точки эти никакой вещи однозначно не соответствуют. Нет такой семантемы, которая отвечала бы одной-единственной вещи. По большей части семантема соответствует целому ряду вещей очень различных. Мы останавливаемся здесь на уровне семантики, то есть того, что фиксировано и определено конкретным образом своего использования. Таким образом, это не что иное, как линия дискурса обыденного, обыкновенного – в том виде, в котором допущен он кодом дискурса, который я назвал бы дискурсом общей для нас реальности. Это, надо добавить, тот уровень, на котором создание смысла происходит ранее всего, потому что смысл на нем в каком-то отношении уже дан. По большей части дискурс этот состоит лишь в добросовестном перемалывании ходячих идеалов. Именно на этом уровне и возникает пресловутый пустой дискурс. Как видите, линия эта представляет собой линию конкретного дискурса индивидуального субъекта, который говорит и заставляет себя выслушивать, - дискурса, который можно записать на пластинку. В отличие от нее, первая линия (*в нашем тексте упоминается как вторая цепочка означающих – Я. Г.*) воплощает собой все то, что включено сюда в качестве возможности искажения, перетолкования, резонанса, метафорических и метонимических эффектов» [Там же, с. 17-18].

Рациональный дискурс снабжен также «коротким замыканием», на уровне, где, с одной стороны, выбираются означающие, соответствующие позиции «я», а с другой, означающие, соответствующие метонимическому объекту, который, в случае с политическим дискурсом, необходимо конкретизировать – это общественность, полисемантический объект, на который направлена работа дискурса: «В сообщении смысл является на свет. Истина, которую надлежит возвестить, если таковая есть, находится именно тут. По большей части, никаких истин не возвещается – по той простой причине, что чаще всего дискурс (*рациональный дискурс – Я. Г.*) вообще означающую цепочку не пересекает, что он представляет собой просто-напросто бормотание повторения, мельницу слов, поток которых образует короткое замыкание между пунктами В и В' (*на нашей схеме это пункты “Я” – «Сообщественность» - Я. Г.*). Такой дискурс не говорит абсолютно ничего – разве что сигнализирует вам, что перед вами говорящее животное» [Там же, с. 19]. Обыденный дискурс обеспечивает стабильность социальных структур – неслучайно среднестатистический человек, по подсчетам филологов, постоянно использует не более 600 слов, а люди, не имеющие высшего образования, обходятся в повседневной жизни и 300 единицами в своем словаре. В работе «Контуры будущего политического мышления» А. Пятигорский отмечает: «Вторая особенность политики, которую мы условно назвали абстрактно-социологической, состоит в том, что социальная структура, внутри которой реализуются политические отношения, всегда, то есть во всякий данный момент наблюдения, обладает меньшей степенью свободы и, соответственно, большей степенью предсказуемости, чем сами эти отношения. Таким образом, самая консервативная политика оказывается *объективно* направленной против существующей социальной структуры. Никакая социальная структура сама себя не меняет и не сохраняет. И то и другое делает политика» [6]. В связи с этим дискурс в целом наделен политическим только в том случае, если, не ограничиваясь «коротким замыканием», рациональный дискурс входит в сложное взаимодействие с той цепочкой означающих, которая, по мысли Ж. Лакана, позволяет «искажать, перетолковывать» [5, с. 21], то есть совершать изменения, в данном случае в режиме общежития, без которых человек не способен существовать.

Политический дискурс, в противовес обыденному (социальному), образуется в результате столкновения рационального дискурса (первая цепочка), включающего определенные ориентиры, и второй цепочки означающих, организация которой находится в определенном отношении к порядку истины, которая свойственна дискурсу в целом, дискурсу как основе субъекта. Из «Я» требование выходит едва означенной частностью и немедленно возвращается, наделенное теми отличительными чертами, теми дискурсивными идентификациями, которыми его описывает Другой (ведь именно языком власти, языком, выработанным государством, пользуется всякий, кто хочет говорить, при чем не только тем языком, который закреплён в нормах, но всем богатством означающих, которые содержатся во всевозможных властных практиках). Дифференцированное Другим (в точке «Р») требование, получившее форму дискурсивного объекта, находит поддержку и присваивается в точке, где располагается метонимический объект. В итоге формирование сообщения происходит при взаимодействии метонимизированного дискурсивного объекта и дискурсивного объекта, выработанного в точке «Р» (Другой). Однако взаимодействие двух цепочек может и не произвести сообщение, если последствия обработки требования в инстанциях различны. Р. Рорти указывает, что правда – свойство языка, а не свойство жизненного мира [7, с. 71-103], вслед за ним Э. Лакло и Ш. Муфф пишут о том, что истина – это продукт дискурса [9, р. 14]. В предложенную выше модель дискурса это вносит определённую многомерность, так как в конечном счете высказываемое, производное от «Я», от того, что присваивает требование и запускает его трансформацию в дискурсивный объект, и высказывание (итог работы дискурса) остаются порознь, то есть так и не приходят в соответствие – помехой является само устройство дискурса. За кадром, в той точке («Я»), из которой держит речь субъект, остается невыраженное, но оформленное означающим требование, которое часто является на самом деле истиной дискурса, развертыванию которой в точке «Р» помешали те ограничения, которые в этой точке наложены на выбор означающих. Проще говоря, политическое требование, еще до того, как его объект стал метонимическим объектом в точке «С» и приобрел тот оттенок значения, который его присвоил, было лишено возможности быть выраженным теми символическими ресурсами, которые оно получило в точке «Р».

Предложенная модель анализа политического дискурса как дискурса субъекта, в рамках которого функционируют основные политические институты, позволяет нам, с одной стороны, отказаться от завышенных ожиданий в отношении возможностей политического как такового (на первый взгляд кажется, что границы возможностей политического давно очерчены, однако практически в каждом конкретном случае политикам вменяется в вину недостаточное внимание к требованиям граждан, часто безосновательно) и обнаружить причины фиаско политического дискурса.

Список литературы

1. **Бодрийяр Ж.** Забыть Фуко. СПб.: Владимир Даль, 2000. 245 с.
2. **Бурдые П.** Практический смысл. М.: РГБ, 2007. 311 с.
3. **Делез Ж., Гваттари Ф.** Капитализм и шизофрения: антиэдип. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. 297 с.
4. **Лакан Ж.** Семинары: изнанка психоанализа. М.: Гносис; Логос, 2008. 389 с.
5. **Лакан Ж.** Семинары: образования бессознательного. М.: Гносис; Логос, 2002. 414 с.
6. **Пятигорский А.** Контуры будущих форм политического мышления [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2009. № 1 (63). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2009/1/>
7. **Рорти Р.** Философия и зеркало природы. Новосибирск: Новосибирское книжное изд-во, 1997. 156 с.
8. **Фуко М.** Археология знания. СПб.: Гуманитарная академия, 2004. 432 с.
9. **Laclau E., Mouffe Ch.** Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics. London - N. Y.: Verso, 2001. 198 p.

JACQUES LACAN'S THEORY IMPLEMENTATION POSSIBILITIES IN POLITICAL PROCESSES RESEARCH METHODOLOGY DEVELOPMENT ON MICROLEVEL

Yakov Grigor'evich Gimel'shtein

*Department of Political Institutions and Applied Political Researches
St. Petersburg State University
karsson@bk.ru*

The author considers the possibility of interdisciplinary knowledge synectic implementation for the empirical researches of political processes at the level of a subject and local communities with the assistance of the philosophical methodology of one of the greatest psychoanalysts of the XXth century J. Lacan and political discourse specific structure under postmodern development conditions, and presents analytical discourse as the alternative to scientific (university) discourse and manor one, which is typical for political sphere.

Key words and phrases: local communities; local politics; political discourse; subject; political activity.

УДК 947

В статье анализируется динамика численности старообрядцев Владимирской губернии в XIX веке на основе материалов официальной статистики. Сравнив данные гражданских и духовных чиновников Владимирской губернии со сведениями Министерства внутренних дел, автор выявил причины противоречивости сведений различных категорий официальной документации по расколу. В статье отражены гендерные и конфессиональные особенности динамики численности старообрядцев Владимирской губернии, вычислен процент старообрядцев в населении губернии, а также определены уезды с наибольшим количеством раскольников.

Ключевые слова и фразы: старообрядчество; сектантство; православие; динамика численности; официальная документация.

Галина Сергеевна Егорова

*Кафедра истории России
Владимирский государственный университет
birdsflyinghigh1@gmail.com*

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ СТАРООБРЯДЦЕВ ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ В XIX В.®

С момента возникновения старообрядчество представляло собой многочисленную конфессиональную общность, которая оказалась в оппозиции государственной церкви и правительственному курсу самодержавия. Репрессивная политика вынуждала старообрядцев скрывать свои религиозные убеждения. Для представителей власти вопрос о контроле численности раскольников был принципиально важен - бороться с явлением, не зная его масштабов, невозможно, поэтому правительство на протяжении всего периода империи стремилось зафиксировать действительное количество приверженцев «старой веры».